

«Забытый» рассказ
Н. Берберовой:
к творческой
истории цикла
«Биянкурские
праздники»*

The “Forgotten”
Novel by
N. Berberova:
On the Creative
History of the Cycle
Billancourt Holidays

Александра Александровна
Чабан

Alexandra A. Chaban

Дарья Алексеевна Стрижкова

Darya A. Strizhkova

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

HSE University,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена рассказу Н. Берберовой «Твердотрубов» (1930). В первой газетной публикации текст имел подзаголовок «Из цикла “Биянкурские праздники”», однако при составлении сборников в 1970-е — 1990-е гг. Берберова не включила его в книгу и больше никогда не печатала (в отличие от других рассказов). Проведенная в статье реконструкция истории создания

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10012-П, <https://rscf.ru/project/19-78-10012/>, ИРЛИ РАН. Вступительная статья (основная часть) А. А. Чабан. Подготовка текста, вступительная статья, комментарии и дополнения Д. А. Стрижковой.

Цитирование: Чабан А. А., Стрижкова Д. А. «Забытый» рассказ Н. Берберовой: к творческой истории цикла «Биянкурские праздники» // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 1. С. 342–369.

Citation: Chaban A. A., Strizhkova D. A. (2025) The “Forgotten” Novel by N. Berberova: On the Creative History of the Cycle *Billancourt Holidays*. *Slověne*, Vol. 14, № 1, p. 342–369.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.1.12

цикла демонстрирует более сложный, чем было представлено писательницей в предисловии, процесс работы Берберовой над эволюцией собственного стиля, затрагивающий не только рефлексию автора над творческими приемами, пристальное изучение художественной манеры предшественников и современников, но и необходимость учета градуса общественного мнения относительно тех или иных авторов в литературном поле. «Твердотрубов» существенно выбивается из общей логики эволюции писательницы, которую она указала в предисловии к циклу, поскольку написан под влиянием стиля Ф. Достоевского. Публика благосклонно отреагировала на влияние стилевых тенденций 1920-х гг. (М. Зощенко и И. Бабея), но не приняла подобный поворот творчества писательницы, в результате чего Берберовой пришлось кардинально менять свою литературную стратегию, ориентируясь скорее не на свой вкус, а на запросы читательской аудитории. Текст рассказа републикуется в Приложении.

Ключевые слова

Нина Берберова, Федор Достоевский, литература русской эмиграции, рецепция, стиль

Abstract

The article examines the novel by N. Berberova *Tverdotrubov* (1930). In the first publication, the text had a subtitle—*To the cycle of "Billancourt Holidays"*, but in the 1970–1990s Berberova deliberately did not include this text into the book and never published it again (unlike other novels). The reconstruction of the creative history of the cycle carried out in the article shows that Berberova's work on her own style was more complex process, than she declared in the preface. Her work included not only serious reflections on creative technique, a close study of the predecessors' and contemporaries' artistic manner, but also the need to take into account public opinions on certain authors in the literary field. *Tverdotrubov* significantly stands out from the general logic of the writer's evolution indicated by Berberova since it was written under the influence of F. Dostoevsky's style. Unlike the previous stylistic guidelines of the 1920s (M. Zoshchenko and I. Babel), the public did not accept such a turn. As a result, Berberova had to change her literary strategy radically, focusing not so much on her own taste, but on the demands of the reading audience. The text of the story is republished below.

Keywords

Nina Berberova, Fyodor Dostoevsky, literature of Russian emigration, reception, style

«Биянкурские праздники» — первый цикл рассказов Н. Берберовой, создававшийся ею в конце 1920-х — начале 1930-х гг.¹, в один из наибо-

¹ В предисловии к рассказам Берберова называет более широкие временные рамки: «Эти рассказы были написаны между 1928 и 1940 годами для эмигрантской либерально-демократической русской газеты "Последние новости", издававшейся в Париже под редакцией П. Н. Милокова» [Берберова 2011: 7].

лее драматичных периодов жизни русской эмиграции². Как будет позже вспоминать сама писательница, «о “русских массах” эмиграции почти ничего написано не было» [Берберова 2011: 10], поэтому после публикации именно этих текстов Берберова стала известна широкому кругу читателей и литераторов³.

Рассказы будущего цикла выходили в известной русскоязычной парижской газете «Последние новости»⁴. Первый, «Аргентина», был опубликован 28 июля 1929 г., последний, «Биянкурская скрипка», — 1 января 1934 г. В целом рассказы появлялись в газете около раза в месяц с 1929 по 1930 г., затем интервал публикаций увеличился⁵.

К своим дебютным рассказам Берберова вернулась довольно поздно, уже став знаменитой во Франции и Америке⁶. История издания цикла в России отчасти проясняется в переписке Берберовой с Е. Эткингом, наиболее интенсивно протекавшей в конце 1970-х гг. 9 марта 1978 г. писательница впервые сообщает о планах издать «Биянкурские праздники»:

[...] Я хочу издать книгу рассказов, 1928–1940. Присылаю Вам предисловие к ней, чтобы Вы знали, о чем она, а также оглавление. В ней 300 машинных страниц — 250–260 книжных. Копирайт полностью мой и условия будут самые выгодные, какие только бывают. Может быть, такая книга на первых парах будет даже лучше (в деловом смысле) для изд-ва, чем “документы и материалы”⁷? Экземпляров двести возьмут для Сов. союза общие наши друзья (а уж сто наверное). Я там в большом спросе. Если у издателей

² См. об этом: [Гусефф 2014; Менегальдо 2001: 145–178].

³ Литературная критика, которой Берберова активно занимается в этот период, также способствовала упрочению репутации писательницы, однако в меньшей степени, поскольку большинство отзывов создавались под псевдонимом или совместно с В. Ходасевичем (см. об этом подробнее: [Закрыжевская 2018]).

⁴ См. мнение Г. Струве: «“Последние новости”, напротив, оказались самой долговечной из эмигрантских газет и скоро заняли в эмигрантской печати бесспорно первенствующее место» [Струве 1996: 30]. О деятельности «Последних новостей» в эмигрантской среде см. также: [Коростелев 2002].

⁵ Перечислим тексты по хронологии их выхода: «Аргентина» — 28 июля 1929, «Фотожених» — 18 августа 1929, «Здесь плачут» — 8 сентября 1929, «О загогулинах» (сейчас печатается как «О закорючках») — 3 ноября 1929, «Случай с музыкой» — 22 декабря 1929, «Версты-шпалы» — 23 февраля 1930, «Биянкурская рукопись» — 23 марта 1930, «Цыганский романс» — 27 апреля 1930, «Чужая девочка» — 1 июня 1930 года, «Кольцо любви» — 13 июля 1930, «Биянкурский призрак» — 1 марта 1931, «Колька и Люсенька» — 12 февраля 1933, «Биянкурская скрипка» — 1 января 1934.

⁶ Известность ей в то время принесли публикация «Курсива» и сотрудничество с издательством «Actes Sud», создателем которого был близкий друг и обладатель всех авторских прав на издание текстов писательницы Юбер Ниссен. См. об этом: [Винокурова 2023: 166, 194].

⁷ В письме от 26 февраля 1976 г. Е. Эткинд сообщал Берберовой об идее открыть за рубежом издательства «Русское литературное наследство» и просил материалы

есть способ распространения, кот. в моих глазах так же важен, как само название книги, то оно на мне потерять не может. Дайте знать, какое впечатление произвело мое предисловие и не хотите ли Вы, чтобы я прислала копию рукописи? Издаваться мне, вобщем [так! — Д. С., А. Ч.], негде [...] [Переписка: 29].

27 марта 1978 г. Е. Эткинд с энтузиазмом отзывается на предисловие Берберовой:

Милая Нина Николаевна,
спасибо за письмо и за предисловие к Вашей книге рассказов. Вы обладаете редким талантом увлекательности: о чем бы Вы не [так! — Д. С., А. Ч.] писали, Вас нельзя не читать. Все, что вы рассказываете о «бийянкурских русских» [так! — Д. С., А. Ч.], более, чем интересно. Не знаю, сможем ли мы что-нибудь издать (еще мы <в> стадии становления), но прочесть очень-очень очень хочу. Ваши лингвистические автокомментарии тоже очень увлекают. Так что — пришлите. Жду⁸ [Переписка: 33].

Уже 8 апреля 1978 г. Берберова присылает ему половину рассказов:

Дорогой Ефим Григорьевич,
Сегодня посылаю Вам «Биянкурские праздники» — половину книгу [так! — Д. С., А. Ч.] моих старых рассказов. Если у Вас будет такое чувство, что с книгой можно что-то сделать в недалеком будущем — держите рукопись у себя, и я дошлю Вам остальное (всего 300 стр.). Если Вам покажется, что дальнейшая ее судьба от Вас зависеть не будет, то вышлите мне ее простой почтой (пойдет месяц), так, чтобы она к сентябрю вернулась ко мне [Переписка: 34].

27 апреля Эткинд подтверждает, что получил тексты и снова (с опасениями насчет перспектив издания⁹) просит прислать оставшуюся часть цикла:

Милая Нина Николаевна,
Пишу набегу [так! — Д. С., А. Ч.] — перед поездом — только чтобы Вас поблагодарить за Вашу интересную рукопись и терпеливо потребовать продолжения. Пока не знаю, выйдет ли что-нибудь из нашей затеи «Лит. наследства за рубежом» — материал есть, но материальных возможностей, увы, кот наплакал.

Об этом подробно — когда я вернусь домой (лечу в Мюнхен на несколько дней). И все же я сохраняю оптимизм и веру в чудеса. Преданный вам В. Э. [Переписка: 35].

для него: «Речь идет об архивах, переписках, мемуарах, неопубликованных романах или дневниках и проч.» [Переписка: 29].

⁸ Это письмо частично опубликовано ранее: [Винокурова 2018].

⁹ Опасения оказались небеспопеченными: проект издания «Русского литературного наследства» осуществлен не был.

Несмотря на очевидную заинтересованность в издании рассказов с обеих сторон, публикаторские замыслы были отодвинуты на десять лет и осуществились уже без участия Эткинда: впервые «Биянкурские праздники» частично¹⁰, но с упомянутым в письмах авторским предисловием, вышли в 11-м номере журнала «Октябрь» за 1989 г., где годом ранее вышли фрагменты «Курсива»¹¹. Полностью сборник «Биянкурских праздников» с тем же предисловием появился только в 1997 г.¹² в издательстве им. Сабашниковых¹³. Несмотря на то что эта книга вышла уже после смерти писательницы, основной план, как это следует из приведенной переписки с Эткингом, был составлен Берберовой еще в конце в 1970-х гг. Берберова определила другую композицию для своих текстов, не совпадающую с хронологией выхода рассказов, а содержание некоторых из них также было отредактировано¹⁴.

Примечателен и принцип отбора текстов: в цикл Берберова включает только те рассказы, которые в первой публикации имели заглавия или подзаголовки, связанные с Биянкуром: так, «Аргентина», «Фотожених», «Здесь плачут», «Чужая девочка» имели подзаголовок «Из цикла "Биянкурские праздники"», рассказ «Колька и Люсенька» вышел с подписью «Биянкурский рассказ», а «Биянкурский призрак» и «Биянкурская скрипка» изначально содержали нужный локус. При этом такие рассказы начала 1930-х гг., как «Звезда-загадка»¹⁵ и «Честные люди»¹⁶, не имеющие подзаголовка, но обладающие той же топикой (описанием окрестностей Биянкура и завода Рено) и тематикой (угнетенность, тяжелый быт эмигрантов), не были включены в сборник.

¹⁰ Здесь были опубликованы «Аргентина», «Фотожених», «Цыганский романс», а также рассказ «Вместо некролога», который сейчас включается в поздний сборник «Рассказы не о любви».

¹¹ Октябрь. 1988. № 10–12.

¹² Также в 1992 г. во Франции в издательстве «Actes Sud» вышел цикл «Chroniques de Billancourt», переводчицей которого стала Александра Плетнева-Бутен. Берберова, однако, принимала активное участие в подготовке книги. В дневнике директора издательства Ю. Ниссена от 13 июня 1991 г. есть запись о звонке М. Баркера, студента Берберовой (а впоследствии и наследника ее имущества, наряду с Ниссеном), который сообщает, что Берберова «sassage» [рвет и мечет; перевод наш. — Д. С., А. Ч.], внося правки во французский текст [Nysen 1997: 160]. Последовательность рассказов в сборнике та же, что и в русскоязычном издании: «Твердотрубов» не напечатан.

¹³ См. предисловие Берберовой: «Кроме уже известных российскому читателю "Рассказов в изгнании" [вышли в 1994 г. в то же издательстве. — Д. С., А. Ч.] впервые публикующийся цикл рассказов «Биянкурские праздники» [Берберова 1997: 5].

¹⁴ Так, например, по сравнению с газетным вариантом, «Биянкурский призрак» в сборнике 1997 г. имеет другой финал. В первой публикации Басистов уезжал, оставив своего ребенка в детском доме.

¹⁵ Последние новости. 1931. 5 апреля.

¹⁶ Последние новости. 1931. 29 ноября.

В этом вполне упорядоченном отборе имеется одно отступление от правила. 10 августа 1930 г. на страницах «Последних новостей» был напечатан рассказ «Твердотрубов» с традиционным подзаголовком «Из цикла “Биянкурские праздники”». Без сомнений можно утверждать, что «Твердотрубов» — это продолжение более раннего рассказа «Чужая девочка», вышедшего на два месяца раньше, 1 июня 1930 г. В «Чужой девочке» пожилой женщине Анастасии Георгиевне Сеянцевой приходит письмо от генерала Твердотрубова, который просит забрать Екатерину, дочь погибшей сестры главной героини. Два персонажа — генерал Твердотрубов и Катя — становятся также и главными героями рассказа «Твердотрубов».

Текст воспроизводит устойчивые константы художественного мира «Биянкурских праздников»: присутствуют персонажи из других рассказов (например, косвенно упоминается Семен Николаевич Козлобабин) и характерные локусы (отель «Каприз», парикмахерская Бориса Гавриловича, каморка, в которой живет Катя). Наконец, в рассказе последовательно проводится противопоставление Биянкура, маргинального, плотно заселенного нищего пригорода, и Парижа, поэтому Твердотрубов, прибывший в Биянкур, именуется «нездешним», «парижанином». Вместе с тем именно в Биянкуре, в отличие от Парижа, сохраняются доброта и милосердие: четырнадцатилетняя Катя решает воспитать родившегося у Твердотрубова сына, которого ни он, ни его хозяйка не могут оставить у себя¹⁷.

Примечательно, что в мемуарах «Курсив мой», вспоминая о «Биянкурских праздниках», Берберова упоминает сюжет «Твердотрубова»: «Был рассказ о двенадцатилетней девочке¹⁸, подобравшей чужого ребенка» [Берберова 2021: 297]. Однако впоследствии писательница не включает этот текст в сборник¹⁹. Безусловно, при подготовке материалов для печати текст могли не найти, но, как представляется, на фоне остальных републикованных рассказов цикла возможна и более сложная мотивация этого авторского решения. Будучи чрезвычайно внимательной к своим работам и наследию других

¹⁷ См. сюжетные параллели с другими рассказами цикла: Иван Павлович решает взять замуж беременную женщину и признать ее ребенка («Аргентина»); супруги Конотешенко дают приют выгнанной из дома Надежде Басистой с сыном («Биянкурский призрак») и т. д.

¹⁸ Небольшая ошибка памяти писательницы: в тексте Кате четырнадцать лет.

¹⁹ Содержание и композицию цикла можно проследить по отдельно подготовленным писательницей словарям для каждого рассказа. Это «Аргентина», «Фотожених», «Случай с музыкой», «Здесь плачут», «О закорючках», «Цыганский романс», «Чужая девочка», «Версты-шпалы», «Биянкурская рукопись», «Кольцо любви», «Биянкурский призрак», «Колька и Люсенька», «Биянкурская скрипка» [Berberova].

авторов²⁰, Берберова могла исключить «Твердотрубова» как ненужное продолжение более композиционно целостного рассказа «Чужая девочка». Несмотря на то что в цикле периодически встречаются одни и те же персонажи и мотивы, продолжений прежних историй в сборнике нет. Стилистая сторона рассказа, как представляется, также выводит этот текст за рамки художественной логики писательницы, излишне обнажая ее литературные приоритеты.

Стилистика «Биянкурских праздников» была довольно неоднородной по причине как крайне сжатых сроков публикации, так и неопытности начинающей писательницы. В «Курсиве» Берберова признавалась, что рассказы были «неровные, некоторые написаны наспех» [Берберова 2021: 297]. Тем не менее последовательное чтение рассказов с учетом хронологии их создания показывает поступательную эволюцию стиля писательницы и, вероятно, общую прагматику публикации «Биянкурских праздников». Так, только приступая к созданию текстов, Берберова использовала наиболее яркие приемы самых популярных на тот момент прозаиков. К концу 1920-х гг. художественные вкусы метрополии и эмиграции еще во многом совпадали, и главными литературными авторитетами для широкого круга читателей на тот момент оказывались М. Зощенко²¹ и И. Бабель [Чудакова 2007; Жолковский, Ямпольский 1994] с их узнаваемой сказовой манерой.

Курируя в газетах «Последние новости» и «Возрождение» (вместе с Ходасевичем)²² обзоры книжных новинок, Берберова внимательно изучала писательскую манеру обоих литераторов. Так, 11 июня 1925 г. в «Последних новостях» Берберова отзывалась о рассказе Бабеля «История моей голубятни»: «С жестоким натурализмом, но и с мастерством настоящего художника Бабель дает ряд характерных лиц, оттеняя их лирическими отступлениями» [Берберова 1925]. В «Возрождении» от 13 марта 1930 г. «Литературная летопись» была посвящена Зощенко и его книге «Письма к писателю». Здесь Берберова указывает, что Зощенко был «одним из самых любимых авторов» «массового читателя» [Гулливвер 1930]. Однако авторская ирония, по ее мнению, «зачастую не доходит» [Ibid.] до простого читателя. Примечательно,

²⁰ Писательница сохранила архив В. Ходасевича, интересовалась архивом Г. Кузнецовой, Л. Лунца. Свое литературное наследие Берберова тщательно отбирала, а ненужное — уничтожала (например, письма к Минне Журно). См. об этом: [Винокурова 2021; Демидова 2022].

²¹ О стилистических параллелях между рассказами Зощенко и Берберовой см., например: [Hoffman 2011]. О популярности Зощенко в эмиграции см.: [Томашевский et al. 1993].

²² Атрибуции некоторых статей, написанных под общим псевдонимом Гулливвер, посвящена диссертация: [Закрыжевская 2021б].

что позже в предисловии к сборнику «Биянкурские праздники» Берберова также будет сомневаться, улавливают ли читатели иронию в ее собственных текстах: «Я не знаю, понимали ли мои читатели иронию моих рассказов, сознавали ли, что “праздники” — не бог весть какие в этой их жизни, что между мной самой и моими “героями” лежит пропасть образа жизни, происхождения, образования, выбранной профессии, не говоря уже о политических взглядах» [Берберова 2011: 9]. В номере «Возрождения» от 22 января 1931 г. Берберова снова обращается к творчеству Зощенко, отмечая в его произведениях ту же лапидарность и человечность, которая характерна и для ее текстов того времени: «Эта незатейливая и грустная история рассказана несколько сухо, синемаатографично, но на фоне прочей сов. беллетристики кажется человечной» [Гулливвер 1931].

В «Курсиве» Берберова не только не отрицает подражательность своих ранних текстов, но и, как кажется, намеренно подчеркивает ее: «[...] есть в них следы Гоголя, Зощенки, “Скверного анекдота”, и Антоши Чехонте, и следы меня самой — ищущей “бытового слова” сюжета с лирико-комической стороной жестокого романа, и со слезой, напоминающей не человеческую, но сырную слезу» [Берберова 2021: 397]. В предисловии к сборнику, по характеристике Эткинда, похожего на «лингвистический автокомментарий» [Переписка: 33], она развивает эту мысль: «Самые ранние из “Биянкурских праздников” не могут не напомнить читателю Зощенко (и в меньшей степени Бабеля и Гоголя), [...] мои герои — провинциалы, полуинтеллигенты поколения, выросшего в десятых и двадцатых годах, *говорили языком героев Зощенко*²³» [Берберова 2011: 10]. Несложно заметить, что в воспоминаниях среди литераторов-предшественников Берберова указывает на меньшее влияние Бабеля, связь с советской властью которого к этому времени становится известной эмигрантам и осуждаемой ими. Между тем именно его влияние начинает преобладать в текстах Берберовой: это и сама сказовая основа повествования (близкая больше не зощенковскому люмпену-пролетарию, а бабелевскому интеллигенту), и мелодраматичность, а подчас и трагичность звучания (в противопоставление зощенковской иронии и сатире), а также принцип циклизации текстов.

Сама попытка создания микромира со своей историей, атмосферой, законами и героями корреспондирует с бабелевской традицией. Основное действие всех рассказов Берберовой происходит в Биянкуре, соседствующем с Булонью²⁴. Здесь находился завод Рено, на котором рабо-

²³ Курсив Берберовой.

²⁴ Берберова в «Курсиве» сравнивает Булонь и Биянкур: «В Булони был стадион, в Булони были скачки. В Биянкуре был автомобильный завод Рено, кладбище,

тали эмигрировавшие после революции и Гражданской войны русские, главные действующие лица цикла. Безусловно, жизнеутверждающее звучание бабелевских «Одесских рассказов» существенно отличается от минорной интонации текстов Берберовой (и, возможно, в чем-то приближается к «Конармии»), однако здесь примечателен сам принцип описания микросообщества внутри агломерации большого города (одесские евреи — у Бабеля, русские эмигранты — у Берберовой). Некоторый автобиографизм²⁵ и эмпатия к своим персонажам также сближают Берберову с Бабелем.

Однако и на начальном этапе сказовая манера «Биянкурских праздников» далеко не была монолитна. В ранние тексты Берберова вводит символистский стилевой пласт, используя его, как и сказ, на уровне языка, и не подразумевая тут эстетическую программу: символистские образы представлены лишь в штампах, хорошо опознаваемых современниками, что могло вызвать еще больший отклик у ностальгирующего массового читателя. Так, недостижимый для героев рассказа «Здесь плачут» образ девушки-видения в голубой шляпке, как и мотив двоемирия, заданный уже в заглавии, построен на реминисценциях из блоковской²⁶ «Незнакомки»²⁷. Подобная литературная стратегия вполне оправдалась уже на самом раннем этапе — Берберова быстро обрела желаемую популярность: «Рассказы эти имели большой успех. “Последние новости” в это время выходили тиражом в тридцать — тридцать пять тысяч экземпляров ежедневно, их читали буквально все, и не

река и грязные, бедные, запущенные кварталы. В Булонь люди переходили из Парижа по широкой зеленой аллее, в Биянкур — по пыльной некрасивой торговой улице». [Берберова 2021: 373].

²⁵ Писательница вместе с мужем, В. Ф. Ходасевичем, эмигрировала из России в 1922 г., в Париже супруги обосновались в 1925 г. Как и у большинства эмигрантов, материальное положение литераторов было весьма сложное, поэтому тема, за которую взялась Берберова, была ей весьма знакома. И. Бабель провел детство и юность в Одессе, а далее, как герой-рассказчик из его «Конармии», служил в Красной армии во время Гражданской войны [Погорельская, Левин 2020].

²⁶ Свой пиетет перед Блоком и символистами Берберова неоднократно подчеркивала в течение всей жизни. Так, она гордилась тем фактом, что была единственной, кто возложил четыре белые лилии на панихиде по Блоку [Берберова 2021: 149–150]. В 1947 г. Берберова выпустила книгу «Александр Блок и его время: Биография», предназначенную для французской публики [Berberova 1947]. В 1960-е гг. она читала в Принстоне курс по русскому символизму (см. об этом: [Винокурова 2017]). К числу важных фактов, касающихся рецепции Блока у Берберовой, следует также отнести выступление писательницы с лекцией о русском символизме на Франко-русской студии 16 декабря 1930 г., сделанное на французском языке [Абенсур 2015: 174–179]. См. также: [Закрывжевская 2021a: 134–141].

²⁷ «Незнакомку», по выражению Чуковского, «наше поколение сделало своим символом веры» [Чуковский 2012: 142]. Гиппиус в воспоминаниях о Блоке констатирует: «Незнакомка всем известна» [Гиппиус 1991: 235].

только в Париже. Все меня знали» [Берберова 2021: 397]. Вместе с тем популярны рассказы были по преимуществу среди эмигрантов, причем довольно демократической их части. В «Курсиве» Берберова вспоминает, как именно простые люди оказывали ей знаки почтения и признательности:

Мадам Пышман норовила положить мне в мешок банку консервов, русский сапожник однажды набил мне подметки даром, перевозчики, когда мы переезжали в Лонгшен (русские), отказались взять на чай. На русских вечерах меня узнавали, и однажды, в вагоне метро, ночью, все головы повернулись ко мне: с какого-то русского праздника человек тридцать русских ехало домой (в Биянкур, конечно) и я услышала шепотом произнесенную мою фамилию [Ibid.].

Уже к 1930 г. стилистическая основа рассказов Берберовой претерпевает изменения [Хатымова 2012], отходя от сказа и расширяя социальную проблематику и культурную географию. Со временем Берберова старается ориентироваться не только на узкую среду эмигрантов (и, соответственно, русскую литературную традицию), но и на аудиторию европейского масштаба. Так, герои-неудачники Берберовой все чаще начинают напоминать или потерявшихся в безысходности героев Джеймса Джойса («Дублинцы»), или бедных парижан Эмиля Золя («Дамское счастье») и братьев Гонкур («Жермини Ласерте»), а по драматичности сюжета тексты все больше приближаются к новеллам Ги де Мопассана. Заимствование стилевых тенденций у других литераторов Берберова продолжит и в позднем творчестве. Как убедительно показала И. Е. Винокурова, при написании «Курсива» Берберова опиралась на поэтику Симоны де Бовуар, а некоторые эпизоды из ее жизни использовала и для своей автобиографии [Винокурова 2012].

В свете новых творческих поисков рассказ «Твердотрубов», в котором Берберова наконец-то отходит от прежней сказовой манеры²⁸, становится шагом назад в логике эволюции стиля. В рассказе наряду с узнаваемым следом французских писателей-натуралистов, доминируют темы и стиль Ф. Достоевского, что оказывается возвращением к русской литературе, причем не современной, а прошлого века. «Достоевский в эти годы подавил меня сверх всякой меры» [Берберова 2021: 297], — критически замечает Берберова о том периоде. Любопытно, что в «Курсиве», говоря о своих литературных учителях периода «Биянкурских праздников», Берберова все же называет Достоевского,

²⁸ Единственным, но довольно весомым следом прежней манеры писательницы оказывается само имя главного героя (Твердотрубов; схожим образом Берберова создает и фамилию Козлобабин), построенное по принципу номинации зоценковских персонажей (ср. «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова»).

метонимически замещая, однако, его имя заглавием рассказа (напомним: «[...] есть в них следы Гоголя, Зощенки, "Скверного анекдота", и Антоши Чехонте, и следы меня самой [...]» [Берберова 2021: 397]). При этом выстроенный писательницей литературный ряд содержит сатирические произведения, хотя в мелодраматических «Биянкурских праздниках» сатира присутствует в гораздо меньшей степени. Несмотря на то что в цикле можно встретить параллели с сюжетом «Скверного анекдота»²⁹, в «Твердотрубов» влияние Достоевского более серьезное и многоуровневое. Сюжет и персонажи рассказа Берберовой близки не столько сатирическим текстам Достоевского, сколько тематике его центральных произведений, от «Бедных людей» до «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых»: спившийся генерал, унижаясь, просит помощи у брошенной им падчерицы-подростка. Возраст Кати — 14 лет — также сближает ее с героинями Достоевского³⁰. Судьба не по годам взрослой девочки, как выясняется только к середине рассказа, оказывается счастливее участи Сони Мармеладовой, однако она также с детства вынуждена много работать, чтобы существовать, и знает уже цену лишениям. Испытывая противоречивые чувства, от неприязни и гнева до жалости и сострадания, Катя тем не менее помогает Твердотрубову, демонстрируя высокие душевные качества.

Обилие в рассказе примет художественного мира Достоевского окрашивает пространство Биянкура в узнаваемый петербургский колорит с характерным пейзажем и общим настроением душевного кризиса и потерянности [Топоров 2003: 28–60], что проявляется уже в начале текста, перекликающимся с зачином «Преступления и наказания»:

В обыкновенный день — в среду — по пустынным, притихшим улицам шел человек из города, осматривая дома и вывески, что-то ища, что-то припоминая, сворачивал туда и сюда, бесстрашно переходил площади. Один раз,

²⁹ Например, в «Здесь плачут» персонажи, как и в «Скверном анекдоте», предаются совершенно пустому спору, а в «Фотоженихе» главный герой попадает в нелепую ситуацию. О некоторых реминисценциях из текстов Достоевского в других рассказах «Биянкурских праздников» см. в статье: [Пантелей 2008].

³⁰ См. в «Бедных людях»: «Матушка страдала изнурительною болезнью, прокормить мы себя не могли, жить было нечем, впереди была гибель. Мне тогда только минуло четырнадцать лет. Вот тут-то нас и посетила Анна Федоровна» [Достоевский, 1: 46]. В «Преступлении и наказании»: «И тогда-то, милостивый государь, тогда я, тоже вдовец, и от первой жены четырнадцатилетнюю дочь имея, руку свою предложил, ибо не мог смотреть на такое страдание»; «Ей было только четырнадцать лет, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшую и удивившую это молодое, детское сознание, залившее незаслуженным стыдом ее ангельски чистую душу и вырвавшее последний крик отчаяния, не услышанный, а нагло поруганный в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер» [Достоевский, 5: 18, 481]. Подробнее об этом «пограничном» возрасте у Достоевского см.: [Першкина 2023].

в конце дымного бульвара, увидел он, как садится темное, приплюснутое горизонтом солнце, как плавают в его свете дома и деревья, как текут ослепительные оконные стекла. Потом он его уже не видел, он попал в серый, сиреневый сумерек переулков, где надо было думать о том, как бы не потеряться, как спросить кого-нибудь, куда идти³¹.

Заемствования очевидны не только на уровне типологии персонажей, неожиданных сюжетных поворотов и общей картины быта «маленьких людей», но и на уровне лексики³²: в катинной характеристике Твердотрубова встречаются «достоевские» слова «подлец» и «пакости», с другой стороны, обращение Твердотрубова к Кате «красавочка» напоминает обращение «маточка» Макара Девушкина к Варваре Доброселовой; деньги неоднократно называются бумажками (или «лиловенькими»³³). В этом ряду наиболее ярким примером оказывается совершенно не свойственное речи генерала просторечие «дítě». Произнесенное в подобной форме, слово «переламинает» напряженный диалог героев, обнажая растерянность и отчаяние Твердотрубова. В «Братьях Карамазовых» беззащитное «дítě» (именно в этой же не характерной для стиля художественной прозы XIX в. форме) — центральный образ сна Мити (см. заглавие третьей части, девятой книги, восьмой главы: «Показания свидетелей, дитё») — также во многом становится ключом к раскрытию психологии героя³⁴. Наконец, эмоциональный диапазон диалога

³¹ Ср. также с началом «Преступления и наказания»: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту» [Достоевский, 5: 5]. В других текстах из «...праздников» Биянкур описывается в совершенной иной стилистике. Например, в «Фотоженихе»: «То был тот самый час, когда над бакалейным магазином фонарь зажигается, когда вкусно пахнет биточками из открытых дверей рестораничков, когда, наконец, и неутомимый Борис Гаврилович запирает свои двери, запирает ставни, но работу не прекращает: с заднего хода он принимает известных ему клиентов. А с улицы легонько попахивает скрытой парфюмерией, виден в шелку розовый свет, да если приложить к ставням ухо, слышно цык-цык-цык, как цыкают легкие, длинные ножницы» [Берберова 2011: 23].

³² Выражаем большую благодарность А. Першкиной за ряд высказанных наблюдений.

³³ Ср. у Достоевского, например, в «Двойнике»: «Вероятно, пачка зелененьких, сереньких, синеньких, красненьких и разных пестреньких бумажек тоже весьма приветливо и одобрительно глянула на господина Голядкина» [Достоевский, 1: 148].

³⁴ «Митя встал и перешел с своего стула в угол, к занавеске, прилег на большой накрытый ковром хозяйский сундук и миглом заснул. Приснился ему какой-то странный сон, как-то совсем не к месту и не ко времени. Вот он будто бы где-то едет в степи, там, где служил давно, еще прежде, и везет его в слякоть на телеге, на паре, мужик. [...] И вот недалеко селение, виднеются избы черные-пречерные, а половина изб погорела, торчат только одни обгорелые бревна. А при выезде выстроились на дороге бабы, много баб, целый ряд, всё худые, испытанные, какие-то коричневые у них лица. Вот особенно одна с краю, такая костлявая, высокого роста, кажется ей лет сорок, а может, и всего только двадцать, лицо длинное, худое, а на руках у нее плачет ребенок, и груди-то, должно быть, у ней такие иссохшие,

(от гнева к замешательству, а затем — состраданию), подчеркнутый активной мимикой и жестикуляцией героев, композиционно суммирует узнаваемые приемы Достоевского:

Катя собрала бумажки и всей пачкой ударила себя по подбородку.

— Да не пойду я пропадать с тобой, стряпать на тебя, штопать, на твои пакости смотреть! Я не дочка тебе, я совершенно самостоятельная, меня нельзя трогать.

Твердотрубов опустил голову и кусал пальцы.

— На одну только ноченьку, — сказал он вдруг тихо. — Необходимо очень, там дите.

Катя отодвинулась, протянула Твердотрубову две бумажки по десяти (но он их не видел) и сказала:

— Пойди, проспись, пьяный человек, стыдись, генерал Твердотрубов, последнего разбору тип!

Он покачал головой, уронив руки.

— Там дите, — повторил он, — родилось нынче днем, сильно плачет. И деваться ему некуда.

Катя вскочила, схватила Твердотрубова за руку, разбросав деньги.

— Какое дите? Откуда? Твое дите? Или чье?

— Мое. <...>

— Что ж я-то могу? — пробормотала она — У меня дите никогда не было. Я ничего не могу.

Твердотрубов покачался на стуле, от глаз ко рту прошла у него дрожь. Он схватился руками за ножки стула, на котором сидел, с трудом разогнул спину и поднял на Катю глаза.

— Да что же это? Да что же мы тут сидим? — вскричала она, заметаившись, собирая деньги. — Идем, идем скорей, чего-нибудь, как-нибудь. Да вставай, азартный человек, подлец настоящий. Ну, скорей, вниз иди, я догоню.

и ни капли в них молока. И плачет, плачет дитя и ручки протягивает, голенькие, с кулачками, от холоду совсем какие-то сизые. — Что они плачут? Чего они плачут? — спрашивает, лихо пролетая мимо них, Митя. — Дитё, — отвечает ему ямщик, — дитё плачет. — И поражает Митю то, что он сказал по-своему, по-мужицки: «дитё», а не «дитя». И ему нравится, что мужик сказал «дитё»: жалости будто больше. — Да отчего оно плачет? — домогается, как глупый, Митя. — Почему ручки голенькие, почему его не закутают? — А иззябло дитё, промерзла одежонка, вот и не греет. — Да почему это так? Почему? — всё не отстает глупый Митя. — А бедные, погорелые, хлебушка нетути, на погорелое место просят. — Нет, нет, — всё будто еще не понимает Митя, — ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дитё? И чувствует он про себя, что хоть он и безумно спрашивает и без толку, но непременно хочется ему именно так спросить и что именно так и надо спросить. И чувствует он еще, что подымается в сердце его какое-то никогда еще не бывалое в нем умиление, что плакать ему хочется, что хочет он всем сделать что-то такое, чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержьем карамазовским» [Достоевский, 9: 564–565].

В русском Париже и Берлине на рубеже 1920-х — 1930-х гг рецепция Достоевского была далеко не равномерна. В первые годы эмиграции автор «Преступления и наказания» и «Бесов» находился в ряду наиболее влиятельных литераторов [Димитриев 2021: 12–14] как писатель и мыслитель, один из первых почувствовавший революционные веяния в стране и их фатальную опасность. В кругу парижской литературной молодежи (Б. Поплавский, В. Яновский, В. Варшавский и др.) Достоевский был чрезвычайно популярен и в последующие годы. Для религиозных философов зарубежья (Л. Шестов, Н. Бердяев, С. Гессен, Н. Лосский и др.) и литературоведов (П. Бицилли, К. Мочульский, А. Бем, Д. Чижевский и др.) Достоевский также оставался центральным автором, поднимающим экзистенциальные вопросы поиска Бога и бытия в мире [Сыроватко 2007]. Так, на Франко-русской студии, где французские интеллектуалы и русские эмигранты спорили о самых важных вопросах современной культуры, отдельный вечер 18 декабря 1929 г. был посвящен Достоевскому и его творческому наследию [Livak 2005].

В среде литераторов старшего поколения ситуация оказывалась неоднородной. Для одних Достоевский продолжал оставаться воплощением высокого писательского мастерства. Так, в 1931 г. В. Ходасевич опубликовал анализ поэтики текстов капитана Лебядкина [Ходасевич 1931], а Д. Мережковский в 1935 г. приветствовал выход «Романа с кокаином» М. Агеева, назвав автора долгожданным Достоевским нового времени [Димитриев 2018]. Однако для других писателей (И. Бунин, М. Алданов, В. Набоков) Достоевский и его темы к началу 1930-х гг. теряют прежний авторитет, о чем писал, например, Г. Адамович в статье с ярким заглавием «Сумерки Достоевского» (1936)³⁵ [Dolinin 2000: 17]. Позиция Адамовича, с другой стороны, также была не лишена противоречий. Констатируя угасание интереса к Достоевскому у некоторых старших литераторов, Адамович вместе с тем отмечал актуальность писателя и глубокое созвучие времени «вырванных с корнем» людей и исторических катастроф. В частности, в статье «Памяти Достоевского» (1931) Адамович обращался к сентиментальной линии творчества

³⁵ «Лет пятнадцать тому назад слава Достоевского и в особенности «престиж» его достигли зенита не только в России — во всем мире. [...] В Париже до сих пор вспоминают цикл лекций Андре Жида о Достоевском, прослушанный будто бы так, с таким вниманием, в таком напряжении, какого никто другой вызвать бы не мог (лектор лектором, но главное было — в теме). [...] Трудно определить, когда именно произошел перелом. Еще труднее назвать факты, о переломе этом свидетельствующие. Но произошел он несомненно, — это чувствуется, это разлито в воздухе, в этом нельзя ошибиться. Если бы дело касалось только прихотей литературной моды, на “чувствуется” ссылаться было бы опрометчиво» [Адамович 2018]. Подробнее о дискуссии о Достоевском в русском эмигрантском кругу и среди французских интеллектуалов см.: [Livak 2005, Сыроватко 2007].

писателя и отмечал «человечность» как одно из главных чувств, которые пробуждают его тексты: «Над книгой Достоевского человек вырастает. Он острее и действеннее чувствует свое братство с остальными людьми. Он учится жертвовать собой» [Адамович 2002: 457].

Статья «Памяти Достоевского» вышла в газете «Последние новости» 8 февраля, через полгода после публикации «Твердотрубова». Представляется далеко не случайным, что сотрудники «Последних новостей», Адамович и Берберова, излагали довольно близкие взгляды на главные художественные заслуги Достоевского, выражая тем самым мнение, общее для круга своих читателей. Идея рассказа Берберовой заключалась именно в милосердии и самопожертвовании главной героини, осмелившейся взять на воспитание чужого младенца.

Однако эту сторону влияния Достоевского на произведения Берберовой критики обошли вниманием, сосредоточившись на стиле ее текстов и оценив этот ход, в отличие от книги М. Агеева, не в лучшую сторону. Так, в рецензии на первый роман писательницы «Последние и первые», создававшийся в то же время, что и «Твердотрубов», В. Набоков указал на авторское балансирование между собственной манерой (которую оценил высоко) и манерой Достоевского (названной критиком «нестерпимой»): «В романе, просто бытовом, иные из приемов Берберовой были бы просто нестерпимы; но мучительная напряженность диалогов (местами весьма напоминающих карамазовские крики) и некоторая странность совпадений и встреч искупаются общим строем этой своеобразной, ладной и блестящей книги» [Набоков 1931].

В начале 1930-х гг. авторитет Набокова для Берберовой был весьма высок: писательница с восторгом отзывается на «Защиту Лужина»³⁶, а также и на последующие тексты Сирина-Набокова³⁷. Именно по ее инициативе между ней, Ходасевичем и Набоковым завязывается переписка, перешедшая в близкое личное знакомство [Шруба, Бабилов 2017]. Берберова небезосновательно считала Набокова наиболее талантливым современным литератором³⁸, поэтому его мнение, подкрепленное близкой позицией других критиков, было решающим. В последующих текстах Берберовой влияние Достоевского было сведено к минимуму, что отметил, например, В. Вейдле в отзыве на ее второй роман

³⁶ Воодушевляющий отзыв на роман напишет и В. Ходасевич (Возрождение. 1930. 11 октября).

³⁷ О взаимоотношениях литераторов см. также: [Винокурова 2013].

³⁸ В «Курсиве» Берберова оценивает роль Набокова в эмигрантской литературе и ставит его выше всех современников из «младшего» поколения: «[...] огромный русский писатель, как Феникс, родился из огня и пепла революции и изгнания. Наше существование отныне получало смысл. Всё мое поколение было оправдано» [Берберова 2021: 363–364].

«Повелительница» (1932): «Первый роман то и дело автора приводил в опасную близость к миру Достоевского; второй уже без всякой опасности приближает нас к хорошо расчищенным садам французского романа» [Вейдле 1933]. В «Курсиве» писательница отдельно описывает это несколько вынужденное решение: «[...] я вышла из него [Достоевского. — А. Ч., Д. С.] только для того, чтобы пуститься в более легкую литературу — как бы назло ему. Второй роман, а отчасти и третий были реакцией на это подавление [...]» [Берберова 2021: 297]. Таким образом, период увлечения Берберовой стилем Достоевского, пришедшийся на самое начало 1930-х гг., оказался, по общему мнению, лишним шагом в творческом пути писательницы. Чтобы не напоминать о ненужном отклонении от своей писательской траектории, Берберова, по всей видимости, предпочла постфактум намеренно забыть о рассказе «Твердотрубов» в сборнике «Биянкурские праздники», выровняв тем самым вектор эволюции стиля: от сказа к собственной манере.

Эта корректировка прослеживается и в предисловии к сборнику, где писательница, в отличие от «Курсива», никак не упоминает Достоевского среди своих предшественников, выделяя только сказ: «Критика, а также литературные друзья не раз говорили мне, что я постепенно отойду от этого (частично заимствованного) сказа, и чем скорее, тем лучше. И они оказались правы. Уже году в 1931-м я параллельно с “Биянкурскими праздниками” начала писать рассказы собственным голосом, отказавшись от рассказчика, а в 1934-м окончательно освободилась от него. Но на этом и кончились “Биянкурские праздники”: они без сказа существовать не могли» [Берберова 2011: 12]. Как показывает «Твердотрубов», это суждение верно лишь наполовину: на пути к собственному голосу у писательницы был еще один учитель, которого она, повинаясь общественному мнению, постаралась забыть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Текст публикуется по первоисточнику с современной орфографией и пунктуацией.

Твердотрубов (из цикла «Биянкурские праздники»)

В обыкновенный день — в среду — по пустынным, притихшим улицам шел человек из города, осматривая дома и вывески, что-то ища, что-то припоминая, сворачивал туда и сюда, бесстрашно переходил площади. Один раз, в конце дымного

бульвара, увидел он, как садится темное, приплюснутое горизонтом солнце, как плавают в его свете дома и деревья, как текут ослепительные оконные стекла. Потом он его уже не видел, он попал в серый, сиреневый сумерек переулков, где надо было думать о том, как бы не потеряться, как спросить кого-нибудь, куда идти. Красные тучи проходили по небу, погода была ветреная. И повстречавшийся мороженщик почти бежал за своей тележкой, высоко задрав нос.

Человек был нездешний, это был парижанин, — может быть, умеющий жить в свое удовольствие. Большой нос килем и маленький, беззащитный рот придавали его типу печальное и жалкое выражение. Человек шел быстро, застегнув пиджак на все две пуговицы, талия его была обтянута, воротничок скрутился. Он был без шляпы, но зато в берете, темно-синем, потертом, на совершенно бритой голове. Усы его, седые с зеленью, тянулись к подбородку, лицо было самонадеянно, но в тревоге. В тесном, полутемном баре на углу, куда, несмотря на вечерний час, привезли корзины с минеральной водой, опрокинул он в себя рюмку чего-то горячего и опять пошел дальше. По легкомыслию своему он давно не был в этих краях, по легкомыслию своему пришлось ему сегодня бежать сюда. Он спросил у закрывавшего ставни лавочника дорогу. Оказалось: дом был здесь, за углом, напротив: нет, не здесь, рядом, где вывеска.

Он вытер ноги о коврик, поклонившись униженно, и спросил у какой-то женщины, то ли это, что ему надо. Да, это было то самое. Тогда он спросил про Катю. Катя жила на самом верху. Он бросился по лестнице, позабыв приличия. На четвертом этаже подождал немного, подышал, снял с рукава пушинку; медленно, но сердце не переставало стучать, стал он подниматься еще выше. Помещение оказалось получердачное, в корридоре плакался кран в низкую, в поларбуза, раковину. Он стукнул в одну из дверей и стянул с себя берет — пот потек у него по скулам и темнело в глазах. Хотя и без того ничего не было видно.

Дверь открылась не сразу, сперва отперли задвижку, потом взяли за ручку. Два глаза посмотрели в темноту.

- Открой, красавочка, это я, — прошептал Твердотрубов и протянул руку.
- Это ты? — сказала Катя тихо.
- Это я! — повторил Твердотрубов.
- Это ты? — опять сказала Катя и впустила его.

Она собиралась ложиться спать — вместе с солнышком. Уже сырое покрывало с кровати было откинута. Твердотрубов удивился: однако, она выросла! Для четырнадцати лет она была почти что слишком высокой. Веснушек было больше прежнего и в лице появилось новое — дума. Видно было, что пришлось ей за этот год кое над чем подумать.

В комнате не было ничего, никаких предметов, кроме хозяйской мебели, да полотенца на гвозде, да мыла на комоде, — мыться ходила Катя в корридор. Посреди комнаты стоял плетенный стул с ямкой посередине, а над ним, в покатый потолок, ввинченная, горела лампочка.

— Я же просила тебя не ходить, — сказала Катя, — Ты слова своего сдержать не можешь.

- Скоро год, как я у тебя не был.
 - Лучшее бы к маме на могилу ходил. Все-таки она тебе вроде жены была.
- Твердотрубов присел на стул.

— Мне просто неловко, что ты пришел, — говорила Катя, садясь на постель, — Что о тебе люди подумают? Ведь догадываются, что просить пришел, а что я тебе дам? Больше пятидесяти не дам, нету, пятьдесят всего только и отложено.

Она расстегнула платье, пошарила рукой за лифчиком, что-то отвязала и вынула. Это были десять бумажек по пяти.

— Я не за деньгами пришел, мне твоих денег не надо. Я за тобой пришел.

Катя так и осталась с расстегнутым платьем, на коленях держа веером старенькие, рваненькие лиловенькие бумажки.

— Одевайся скорее. Дело есть. Без тебя не уйду.

Катя покраснела, прикрыла бумажки рукой и губы ее вдруг набухли.

— Я не пойду, я на месте, шью. Деньги зарабатываю. Я карьеру делаю, все говорят.

— Ах, да не спорь! Только изводишь всех. Тоска от твоих споров.

Катя собрала бумажки и всей пачкой ударила себя по подбородку.

— Да не пойду я пропадать с тобой, стряпать на тебя, штопать, на твои пакости смотреть! Я не дочка тебе, я совершенно самостоятельная, меня нельзя трогать.

Твердотрубов опустил голову и кусал пальцы.

— На одну только ноченьку, — сказал он вдруг тихо. — Необходимо очень, там дите.

Катя отодвинулась, протянула Твердотрубову две бумажки по десяти (но он их не видел) и сказала:

— Пойди, проспись, пьяный человек, стыдись, генерал Твердотрубов, последнего разбору тип!

Он покачал головой, уронив руки.

— Там дите, — повторил он, — родилось нынче днем, сильно плачет. И деваться ему некуда.

Катя вскочила, схватила Твердотрубова за руку, разбросав деньги.

— Какое дите? Откуда? Твое дите? Или чье?

— Мое.

Она выпустила руку и неподвижно смотрела на него, на его бритую голову.

— Ты погоди, красавочка, пугаться, я тебя не пугать пришел, а просить пришел.

— О чем? — сурово отозвалась Катя.

— Пойдем со мной, красавочка, страшно очень. В первый раз у меня дите, и делать с ним ничего не умею, и боюсь, не умерло бы, и не выкинули бы меня на улицу из отеля.

Катя отвернулась.

— Что ж я-то могу? — пробормотала она — У меня дите никогда не было. Я ничего не могу.

Твердотрубов покачался на стуле, от глаз ко рту прошла у него дрожь. Он схватился руками за ножки стула, на котором сидел, с трудом разогнул спину и поднял на Катю глаза.

— Да что же это? Да что же мы тут сидим? — вскричала она, заметавшись, собирая деньги. — Идем, идем скорей, чего-нибудь, как-нибудь. Да вставай, азартный человек, подлец настоящий. Ну, скорей, вниз иди, я догоню.

Она без шляпы, в рыжем, ставшем невозможно коротким пальто, потушив в комнате свет, побежала за ним, догнала его у третьего этажа, подталкивала в спину. И по улице они почти побежали, не говоря ни слова: Катя впереди, Твердотрубов за ней, так и не надев берета.

Этот путь был куда ближе того, которым шел Твердотрубов, все расспрашивая, все распытывая у прохожих. Они бежали теперь наперекосок, к остановке трамвая. Солнце село, было не по-летнему холодно, пыльно, скучно. За высокой стеной, в квадратных окнах, гудели машины и временами отравно, сладко пахло машинным маслом. И красные тучи уходили за дом, потемнев, потухая, уничтожаясь на лету. Черно-красные дымные клоки городских туч в городском смирном небе.

Год, как не приходил Твердотрубов, год, как Катя не была в городе. Жилось ей хорошо, по-царски: работала целый день и по воскресеньям часто тоже, — работы было много, у мадам Клавы появилась даже вывеска, появилась даже машинка, за которой Катя теперь и сидела. Когда-нибудь и у нее будет машинка пико, своя собственная, это — дважды-два. Раз есть руки-ноги.

Они сидела в трамвае, сжимая в руках старый, потный кошелёк и хмуро смотрела на сидящего напротив Твердотрубова. Трамвай шел, колеса стучали, автомобили обгоняли его, фонари зажигались редкой, зеленой тенью, улицы до краев наливались летними, поздними сумерками.

— Ты все там же живешь? — спросила Катя, постепенно узнавая какие-то пестрые углы, обложенную кафелем колбасную, пустынный тротуар, наглухо закрытый почтовой канторой.

— Все там же... нет, рядом, в отеле. Тот дом снесли.

Она посмотрела на его башмаки, на мохры узких, в дудочку, брюк.

— А зарабатываешь? Или как?

Он глазами заскользил по плакатам, наклепленным по потолку трамвая, но самому скоро тошно стало.

— Зарабатывал, ходил и клеил, знаешь, с ведерком, с кистью такой, иногда театральное, иногда — политическое, больше — коммерческое. Выходить нам.

Он крепко взял ее за руку, помог сойти, довел до тротуара. И тут они не сговаривались опять побежали. По совершенно пустой улице, где было сыро от строящихся домов, где пахло канализацией, могильной землей и свежей штукатуркой.

Дом был угловой. Внизу был бар, где, видимо, хорошо знали Твердотрубова. По крайней мере, два человека, стоявшие у стойки и пившие из высоких стаканов, вышли поглазеть на него и один сказал, без особой, впрочем, приязни.

— С дусманчиком, с дусманчиком бегите, ваше превосходительство.

Катя со стыдом вошла и стала подниматься по лестнице.

Рядом идти было тесно. Твердотрубов шел сзади и все время пояснял: еще выше, еще, теперь налево, вот та дверь. Уже у двери он вдруг смутился, мучительно отвел глаза, затеребил усы, оттягивая их все больше к подбородку, и сказал:

— А ее зовут, видишь ли, Елена Максимовна.

Но Катя уже вошла.

Она вошла и остановилась. Она успела представить себе ребенка совершенно отчетливо, она знала, что такое ребенок, новорожденный: однажды, месяца два назад, в отеле Каприз был настоящий праздник. Много было тогда и крику,

и слез, и смеху, и люди ходили какие-то гордые. Она спокойно и отчетливо успела подумать о ребенке, но она совершенно забыла про мать. Женщина лежала на постели, по виду большая, с полным белым лицом, рыжеватыми, длинными волосами, с крупными бусами на шеи. Глаза ее были закрыты, хотя не плотно: руки, тоже большие и полные, с маленькими черными ногтями, были раскиданы по постели. Твердотрубов не двигался, забыв закрыть дверь. В комнате стоял тяжелый запах давно непроветренного жилья.

— Кто это? — спросила Катя.

Твердотрубов задергался всем телом.

— Это, видишь ли, красавочка, Елена Максимовна, фамилии не могу назвать, бесчестно называть фамилию. Женщина очень, очень приличная, не какая-нибудь, не думай. Но живет одна и позориться не может — в ресторане подает. Ей-богу, — до последнего дня подавала, такая фигура потрясающая, ничего заметно не было. Вчера говорит мне: «Я, Алеша, боюсь, в кабаке рожу. Я к тебе перееду на эти дни, отпуск возьму. Мы с ней давно интимные приятели. Я подумал — шутит, разве можно в отеле родить? Переехала, красавочка, родила».

— Одна? Сама?

— Нет, акушерку взяли, что ты, что ты? Разве мы дикие?

Женщина вдруг раскрыла глаза, обвела ими комнату, увидела Катю, долго смотрела на нее, соображая, что за девочка, откуда? Потом сообразила, припомнила недавний уход Твердотрубова, вздохнула и сказала прерывисто, надтреснуто:

— Может быть, все-таки попытаться домой пойти? А? Помогите мне встать.

Катя кинулась к кровати.

— Да что вы? Из сумасшедшего дома вчера? Связать вас! Ах какие вы глупости сказали!

Женщина удивленно опять перевела на нее глаза.

Катя подошла совсем близко, подала руку. Она не знала, что сейчас сделает. И вдруг она положила руку женщине на лоб. Лоб был прохладный, волосы мягкие. Она провела, неожиданно для самой себя, по лицу женщины, по щекам, и еще раз, и еще раз. Женщина закрыла глаза, дышала медленно и внезапно, вместе с выдохом сошел с ее губ тихий, короткий стон.

— Не надо, красавочка, не надо, — метнулся к Кате Твердотрубов, — Не трогай ее — она плакать любит.

— Оставь, — сказала Катя.

Она увидела на столе бутылку с красным вином, налила немного в стакан, разбавила под краном водой, просунув правую руку под теплый, мягкий затылок женщины, левой дала ей выпить несколько глотков.

И тогда она увидела, что на широкой кровати, у стены, лежит не только юбка и потертая рыжая лиса рыжей женщины, но и что-то похожее на маленький узел, перевязанное, перепеленутое и неподвижное.

Она перегнулась через ноги женщины и взяла ребенка на руки. Он был плотно укутан в нарванную полосами простыню, под голову подложен был чистый носовой платок. Глаза его были полуоткрыты, и видны были мутные под веками полоски молочных, лунных глаз. Он был красен, но Катя ждала, что он должен быть еще краснее и не испугалась. Три потных, светлых волоска шли у него от темени ко лбу.

Твердотрубов нагнулся к ребенку, и Катя почувствовала, что дыхание у него винное, нехорошее.

- Который час? — спросила она.
- Начало одиннадцатого, кажется.
- Кормили его?
- Кормили кипяченой водой.

Женщина пошевелила рукой.

— Это акушерка научила. Они часто так кормят, когда молока нет. Неделю кипяченой водой с сахаром, а потом уже молоко коровьим и мукой. Мукой, Алеша?

- Мукой, — повторил Твердотрубов, — такой специальной.
- Надо будет знать, какой именно, — сказала Катя.

В это время ребенок медленно растянул рот, потемнел и заплакал. Он кричал не очень громко, больше тужился, истекал слюной, напрягал все тельце, кривился. Катя осторожно приложила его к груди, взяла с ночного столика длинную гуттаперчевую соску, положила ребенку в рот. Он подавился сперва, задохнувшись, выпихнул ее. Потом дал ей войти, затих и снова закрыл глаза.

Женщина смотрела теперь на ребенка, на Катины руки, цепко обхватившие его, на ее тонкие, исколотые иглой пальцы, с загнутыми кверху концами. Женщина смотрела и думала о своем, раздиравшем на части душу. Она сама потянулась к стакану, выпила, приподнявшись на локти.

— Сколько же мне здесь ночей ночевать? — спросила она потухающим голосом.

— И куда дите девать? Оставить его здесь никак невозможно. Да нет, одна мне дорога!

- Какая? — спросила Катя спокойно.
- А вот Твердотрубов объяснит.

Твердотрубов стал ходить от двери к кровати и обратно.

— Понимаешь, красавочка, — говорил он, — она малодушная очень, Елена Максимовна, я ее давно знаю, скоро год, ей-Богу, и мы с ней близкие приятели. Малодушная ужасно, и на меня действует. И сам я, ведь видишь, не знаю, как теперь быть.

- Живите вместе, — сказала Катя, — как, например, живут муж и жена.
- Женщина усмехнулась, закинула руку за голову.

— Ну, нет, — сказала она, — чего уж там жить, коли любви нету.

Катя долго смотрела на нее.

- Да ведь была любовь, коли дите есть?
- Была да сплыла.

Ребенок не двигался у Катинной груди.

- Что-то больно скоро, — сказала Катя.
- Не вам судить.

- Я и не сужу. С мамой Твердотрубов шесть лет прожил. Она терпела.
- За грехи, видно, терпела. А у меня грехов нет.

Катя тихонько покачала ребенка.

— Мне бы только подняться. Акушерка сказала — восемь дней, ну нет, мы раньше поднимемся! Не может же он, — она глазами показала на Твердотру-

бова, — восемь дней меня прятать! Поднимусь, пойду.... Да уж, конечно, не домой! — вдруг крикнула она слезно. — Изо всех щелей выйдут на меня смотреть, знаю я их, только чужой бедой и живы! А переехать — не выпустят, за комнату не платено. Не хочу, не пойду! Одна мне дорога.

— Это уже ваше дело, — сказала вдруг Катя, — а что же будет с дитем?

Женщина всхлинула и замолчала. Твердотрубов отошел от угла, где высоко под потолком висел картонный образ. Он, видимо, страдал, сильно страдал, тянуло его к откупоренной бутылке.

— Может быть, денег достать? — сказал он. Женщина мотнула головой, — Переехать, комнату взять и тебе с ним вместе устроиться, все-таки это самое спокойное. И никто не осудит среди чужих людей. И будешь ты его потихоньку воспитывать.

— Да куда ж я его дену? — застонала женщина, обливаясь слезами. — Ведь это же надо понимать, если есть голова. Можно подумать, что я какая-то птица. Ведь я до поздней ночи в ресторане, ведь, дома то никого не будет, ведь он надорвется крича, — никто не подойдет. — Она грустно пометалась на постели. — Денег достать? А ты достань! Достань их!

Она с тоской закрыла лицо локтем, всхлинула, другой рукой натянула одеяло к самому лицу. Катя все укачивала ребенка. Ей казалось, что скоро наступит утро, и думалось, что могут войти какие-то люди и выгнать их всех из этой комнаты на парижскую улицу за шум, плач и беспорядок. Ей вспомнилось, что в это самое время она обычно видит свой любимый сон: кто-то берет ее за руку — не то это парикмахер Борис Гаврилович, не то старый козлобабинский приказчик (они похожи). Кто-то ведет ее по лесу, по полю, по морю, на кладбище и молится вместе с ней и дает ей денег: купи себе дом, купи себе сад, купи себе поле, лес, море... Ей представилось, что она здесь, сейчас, под эти всхлипы, задремлет, как маленькая. Но она крепко держала ребенка. И внезапно она пристально взглянула ему в сморщенное лицо.

— Дитя ваше какое-то тихое, — сказала она с удивлением и радостью. — Я его себе возьму.

Она взглянула на женщину, потом на Твердотрубова.

— Буду его кипяченой водой поить, скажу, что мой. То есть скажу, что дали мне его на время добрые люди. И все. У нас там знают, как быть. Вырастет, будет, как все, работать.

Женщина отвела руку от лица. Взглянула на Катю широко открытыми глазами. Лицо ее было мокро и губы бледны.

— Да куда же вы денете его? Ведь вы работаете.

Катя ответила не сразу, она еще некоторое время смотрела в лицо ребенку у самой своей груди, потом посмотрела на стакан, на остатки вина. Она думала, ей нельзя было мешать, и женщина это понимала.

— Работа не помешает, работаю я там, где и живу, только внизу. Буду его с собой брать, или буду наверху оставлять: как крикнет — слышно будет, побегу. Меня очень все любят, и его полюбят, я уж устрою. А будет возможность — возьмете его.

Твердотрубов опять пошел по комнате стучать тяжелыми своими башмаками, покусывать пальцы.

— Ее все любят, — подхватил он, — такая уж она у нас красавочка! Я ее после смерти матери просто выставил вон, к тетке. А она — вот какая. И работает, и дите возьмет. Эх, Катя!

Он стал в ногах постели, часто моргая воспаленными глазами.

— Только вы ходить ко мне не вздумайте, — сказала Катя. — Ко мне никто не ходит. Я по воскресеньям, по утрам, буду его сюда приносить. А в Биянуре вы не показывайтесь.

Женщина опять приподнялась на локти, прикусив губу.

— Хотите, я вам эти бусы подарю? — спросила она, волнуясь.

— Хочу, у меня никаких бус нет.

Катя надела их, и они тяжело легли ей на торчащие ключицы. Встав, она одной рукой запахнуло платишко, другой прижимая к себе ребенка.

— Возьмите еще вот простыню, нарвете, — сказала женщина. Твердотрубов увязал узел, положил туда два носовых платка, положил почему-то старый, с отломанными зубьями гребешок и кусок черного, глянцевого мыла — Бог весть с какого воротника и зачем.

Катя просунула в узел руку, дала женщине проститься с ребенком. Женщина опять плакала, она и вправду любила плакать. Твердотрубов не шевельнулся, пока Катя не дошла до двери, там он кинулся в коридор, чтобы свет зажечь и отпереть дверь вниз.

— Ты осторожно, осторожно с ним, — бормотал он на лестнице. — Ведь он совсем маленький.

— Не учи меня! Куда уж меньше! — отвечала Катя, — Генерал, обманщик. Гадость, гадость, а не душа у тебя.

Она вышла на улицу, пошла к остановке трамвая, но было слишком поздно, трамвай не шли. Ей пришлось идти пешком, а пешком идти — около часу из тех краев в наши края. Она шла по освещенным, пустым улицам, через реку, где так красивы ночные огни — розовые, красные, белые. Идти было не страшно — есть на свете более страшные вещи, чем хождение ночью по городу. Устав на полдороге, Катя присела на скамейку бульвара, одна: было сыровато, тихо. Иногда проезжали автомобили — и только. Дома стояли мертвые, темные. Тут на скамейке ребенок опять покривился немного, пропищал, покарежился в Катиных руках. Она поцеловала его в голову, задумчиво покачала вверх и вниз и опять пошла.

Так она шла с непокрытой головой, и коса ее болталась, не длинная, а все-таки — коса. И дошла, наконец, Катя до дому. И когда она поднялась к себе, то легли они в постель рядышком — Катя и дите.

В комнате было темно; в окне сквозь старую кисейную занавеску что-то светилось. Стены были пусты, комната была пуста, по середине белел стул, на котором давеча сидел Твердотрубов. И они уснули рядом — Катя и дите. И Катя обнимала дите и сонно укачивала его. И ей снился беспокойный сон: не было рядом с ней на кладбище никого, была она одна, и не по садам и морям шла она, а по столичным, ночным улицам, и выбирала себе из них, какая лучше и подешевле, чтобы эту улицу себе купить на последние лиловенькие деньги.

Н. Берберова

Библиография

Источники

Рукописи и переписка

Переписка

Переписка Н. Берберовой с Е. Эткингом, архивный материал.

Berberova

Białkurskie Prazdniki i Drugie Rassказы, copy of typescript and manuscript draft, архивный материал.

Издания

Адамович 2002

Адамович Г. В., Памяти Достоевского, Idem, *Собрание сочинений. Литературные заметки*, 1 («Последние новости». 1928–1931), С.-Петербург, 2002, 449–457.

— 2018

Адамович Г. В., «Сумерки Достоевского», *Последние новости*, 1936, 17 сентября, 5655, 3.

Берберова 1925

И. [Берберова], Хроника советской литературы, *Последние новости*, 1573, 1925, 11 июня, 3.

— 1997

Берберова Н. Н., *Биянкурские праздники; Рассказы в изгнании*, Москва, 1997.

— 2011

Берберова Н. Н., *Биянкурские праздники*, Москва, 2011.

— 2021

Берберова Н. Н., *Курсив мой*, Москва, 2021.

Вейдле 1933

Вейдле В. Н., Берберова: Повелительница, *Современные записки*, 51, 1933, 461.

Гиппиус 1921

Гиппиус З. Н., «Мой лунный друг». О Блоке, Еадem, *Стихотворения. Живые лица*, Москва, 1991, 214–250.

Гулливер 1930

Гулливер [Берберова], Литературная хроника, *Возрождение*, 1745, 1930, 13 марта, 4.

— 1931

Гулливер [Берберова], Литературная хроника, *Возрождение*, 2060, 1931, 22 января, 3.

Достоевский, 1–15

Достоевский Ф. М., *Собрание сочинений*, 1–15, Ленинград, 1988–1996.

Набоков 1931

Набоков В. Н., Берберова. Последние и первые, *Руль*, 1931, 22 июня (5 июля), 2.

Струве 1996

Струве Г. П., Русская литература в изгнании, Idem, *Русская литература в изгнании*, Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю., *Краткий биографический словарь русского зарубежья*, Париж, Москва, 1996, 21–264.

Ходасевич 1931

Ходасевич В. Ф. Поэзия Игната Лебядкина, *Возрождение*, 1931, 10 февраля, 4–5.

Чуковский 2012

Чуковский К. И., Александр Блок как человек и поэт, Idem, *Собрание сочинений*, 8: Литературная критика. 1918–1921, Москва, 2012, 75–184.

Berberova 1947

Berberova N., *Alexandre Blok et son temps*, Paris, 1947.

Литература

Абенсур 2015

Абенсур Ж., Культурный трансфер между Францией и эмигрантской Россией: притяжение, братство и отречение, *Новейшая история России*, 1, 2015, 174–179.

Винокурова 2012

Винокурова И. Е., «Кого выбрать примером? У кого мне учиться?...». Нина Берберова и Симона де Бовуар, *Вопросы литературы*, 2, 2012, 295–335.

——— 2013

Винокурова И. Е., Набоков и Берберова, *Вопросы литературы*, 3, 2013, 151–175.

——— 2017

Винокурова И. Е., «Не могу себе представить, чтобы книга не вышла по-русски...». «Курсив мой»: к истории публикации и рецепции, *Знамя*, 12, 2017, 124–148.

——— 2018

Винокурова И. Е., Нина Берберова и третья волна эмиграции, *Звезда*, 10, 2018, 146–191.

——— 2021

Винокурова И. Е., Нина Берберова: Труды и дни по дневникам и письмам, *Звезда*, 8, 2021, 157–195

——— 2023

Винокурова И. Е., *Нина Берберова: известная и неизвестная*, С.-Петербург, 2023.

Гусефф 2014

Гусефф К., *Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы)*, Кустова Э, пер., Байсвенгер М., науч. ред., Москва, 2014.

Демидова 2022.

Демидова О. Р., О тайнах эпистолярного текста и парадоксах женской дружбы, *Нина Берберова — Галина Кузнецова. Переписка 1920-х — 1940-х годов*, Белобровцева И. З., Демидова О. Р, подгот. текста и коммент., Москва, 2022, 12–40.

——— 2018

Димитриев В. М., Подросток Вадим Масленников: О полемике с Ф. М. Достоевским в «Романе с кокаином» М. Агеева, *Летняя школа по русской литературе*, 2–3, 2018, 295–310.

——— 2021

Димитриев В. М., вст. зам. и пер., «Не правда ли, самый прекрасный триумф духа?»: речь Андре Сюреса на столетие Ф.М. Достоевского, *Русская литература*, 3, 2021, 12–25.

Жолковский, Ямпольский 1994

Жолковский А. К., Ямпольский М. Б., *Бабель/Vabel*, Москва, 1994.

Закрыжевская 2018

Закрыжевская Е. А., Ивелич и Гулливер на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» о советском критике Вяч. Полонском, *Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика*, 6, 2018, 172–190.

——— 2021a

Закрыжевская Е. А., Память и текст: Н. Н. Берберова о А. А. Блоке, *Русская литература*, 3, 2021, 134–141.

——— 2021b

Закрыжевская Е. А., *Нина Берберова — хроникер русской литературы* (диссертация ... кандидата филологических наук), Москва, 2021.

Коростелев 2002

Коростелев А. О., Георгий Адамович в газете Милюкова «Последние новости», *Адамович Г. В. Собрание сочинений*, 1: Литературные заметки («Последние новости» 1928–1931), С.-Петербург, 2002.

Менегальдо 2001

Менегальдо Е., *Русские в Париже. 1919–1939*, Москва, 2001.

Пантелей 2008

Пантелей И., Воздух Достоевского в пространстве Нины Берберовой, *Достоевский и русское зарубежье XX века*, С.-Петербург, 2008, 142–146.

Першкина 2023

Першкина А. Н., Мотив растреления в произведениях Достоевского в контексте законодательства XIX века, *Неизвестный Достоевский*, 3, 2024, 44–54.

Погорельская, Левин 2020

Погорельская Е. И., Левин С. Х., *Исаак Бабель. Жизнеописание*, С.-Петербург, 2020.

Рубинс 2007

Рубинс М., Газданов и Достоевский или сюжеты русской классики в романе «Ночные дороги», *Достоевский и русское зарубежье XX века*, С.-Петербург, 2008, 79–98.

Сыроватко 2007

Сыроватко Л. В., Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920–1940), *Достоевский и XX век*, 2, Москва, 2007, 68–178.

Томашевский et al. 1993

Томашевский Ю., Федякин С., Коростелев О., публ., Неизвестный советский гражданин, которого звали Зоценко. По страницам эмигрантских изданий 1920–1930-х годов, *Дружба народов*, 8, 1993, 200–216.

Топоров 2003

Топоров В. Н., *Петербургский текст русской литературы*, С.-Петербург, 2003, 28–60.

Хатямова 2012

Хатямова М. А., Организация повествования в рассказах Н. Н. Берберовой (от «Биянкурских праздников» к «Рассказам не о любви»), *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 3/19, 2012, 100–110.

Чудакова 2007

Чудакова М. О., «Разведенный пожиже», *Eadem, Новые работы. 2003–2006*, Москва, 2007, 4–39.

Шруба, Бабилов 2017

Шруба М., Бабилов А., Письма В. В. Набокова к В. Ф. Ходасевичу и Н. Н. Берберовой (1930–1939). Письмо Н. Берберовой к В. Набокову, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 5, 2017, 217–248.

Dolinin 2000

Dolinin A., Parody in Nabokov's *Despair*, *Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel*, München, 2000, 15–41.

Hoffman 2011

Hoffman D., *Without Nostalgia: Nina Berberova's Short Fiction of the 1930s*, Chapel Hill, 2011, 14–16.

Livak 2005

Livak L., *Le Studio franco-russe, 1929–1931*, *Toronto Slavic Quarterly*, 1, 2005.

Nyssen 1997

Nyssen H., *L'éditeur et son double: Carnets 3. 1989–1996*, Arles, 1997.

References

- Abensour G., Cultural transfer between France and the Russian emigre: attraction, brotherhood and renunciation, *Modern history of Russia*, 1, 2015, 174–179.
- Chudakova M. O., "Razvedennyi pozhizhe", Eadem, *Novye raboty. 2003–2006*, Moscow, 2007, 4–39.
- Demidova O. R., O tainakh epistolarnogo teksta i paradokсах zhenskoi družby, *Nina Berberova – Galina Kuznetsova. Perepiska 1920-kh – 1940-kh godov*, Belobrovtsseva I. Z., Demidova O. R., comment., Moscow, 2022, 12–40.
- Dimitriev V. M., Podrostok Vadim Maslennikov: O polemike s F. M. Dostoevskim v "Romane s kokainom" M. Ageeva, *Letniia shkola po russkoi literature*, 2–3, 2018, 295–310.
- Dimitriev V. M., introd., transl., "Isn't This the Most Amazing Triumph of Spirit?" Dostoevsky Anniversary Speech by André Suarès. Appendix. André Suarès. Dostoevsky Anniversary, *Russkaia Literatura*, 3, 2021, 12–25.
- Dolinin A., Parody in Nabokov's Despair, *Studien zu Vladimir Nabokovs Roman-Rätsel*, München, 2000, 15–41.
- Gousseff C., *L'exil russe. La fabrique du réfugié apatride, 1920–1939*, Moscow, 2014.
- Hoffman D., *Without Nostalgia: Nina Berberova's Short Fiction of the 1930s*, Chapel Hill, 2011, 14–16.
- Khatyamova M. A., Narration organization in N.N. Berberova's stories (from "The Feasts of Billancourt" to "Where They Do Not Talk About Love, and Other Stories"), *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Filologiya*, 3/19, 2012, 100–110.
- Korostelev A. O., Georgii Adamovich v gazete Miliukova "Poslednie novosti", *Adamovich G. V., Sobranie sochinenii*, 1: Literaturnye zametki ("Poslednie novosti" 1928–1931), St. Petersburg, 2002.
- Livak L., Le Studio franco-russe, 1929–1931, *Toronto Slavic Quarterly*, 1, 2005.
- Menegaldo E., *Russkie v Parizhe. 1919–1939*, Moscow, 2001.
- Nyssen H., *L'éditeur et son double: Carnets 3. 1989–1996*, Arles, 1997.
- Pantelei I., Vozdukh Dostoevskogo v prostranstve Niny Berberovoi, *Dostoevskii i russkoe zarubezh'e 20 veka*, St. Petersburg, 2008, 142–146.
- Pershkina A. N., The Molestation Motif in F.M. Dostoevsky's Prose in the Context of the 19th-Century Legislation of the Russian Empire, *The Unknown Dostoevsky*, 3, 2024, 44–54.
- Pogorelskaya E. I., Levin S. Kh., *Isaak Babel. Zhizneopisanie*, St. Petersburg, 2020.
- Rubins M., Gazdanov i Dostoevskii ili sluzhety russkoi klassiki v romane "Nochnye dorogi", *Dostoevskii i russkoe zarubezh'e 20 veka*, St. Petersburg, 2008, 79–98.
- Syrovatko L. V., Dostoevskii glazami "molodogo pokoleniia" russkoi emigratsii (1920–1940), *Dostoevskii i 20 vek*, 2, Moscow, 2007, 68–178.
- Tomashevsky Yu., Fedyakin S., Korostelev O., publ., Neizvestnyi sovetskii grazhdanin, kotorogo zvali Zoshchenko. Po stranitsam emigrantskikh izdaniy 1920–1930-kh godov, *Druzhba narodov*, 8, 1993, 200–216.
- Toporov V. N., *Peterburgskii tekst russkoi literatury*, St. Petersburg, 2003, 28–60.
- Shrubu M., Babikov A., Pis'ma V. V. Nabokova k V. F. Khodasevichu i N. N. Berberovoi (1930–1939). Pis'mo N. Berberovoi k V. Nabokovu, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, 5, 2017, 217–248.
- Vinokurova I. E., "Kogo vybrat primerom? U kogo mne uchit sia?..", Nina Berberova i Simona de Bovuar, *Voprosy literatury*, 2, 2012, 295–335.
- Vinokurova I. E., Nabokov i Berberova, *Voprosy literatury*, 3, 2013, 151–175.
- Vinokurova I. E., "Ne mogu sebe predstavit', chtoby kniga ne vyshla po-russki...". "Kursiv moi": k istorii publikatsii i retseptsii, *Znamia*, 12, 2017, 124–148.
- Vinokurova I. E., Nina Berberova i tret'ia volna emigratsii, *Zvezda*, 10, 2018, 146–191.
- Vinokurova I. E., Nina Berberova: Trudy i dni po dnevnikam i pis'mam, *Zvezda*, 8, 2021, 157–195.
- Vinokurova I. E., *Nina Berberova: izvestnaia i neizvestnaia*, St. Petersburg, 2023.
- Zakryzhevskaya E. A., Ivelich and Gulliver in the Emigrant Newspaper Vozrozhdenie about Soviet Critic Vyacheslav Polonskiy, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 6, 2018, 172–190.
- Zakryzhevskaya E. A., Memory and Text: N. N. Berberova on A. A. Blok, *Russkaia Literatura*, 3, 2021, 134–141.
- Zholkovsky A. K., Yampolsky M. B., *Babel'/Babel*, Moscow, 1994.

Александра Александровна Чабан, кандидат филологических наук, PhD,
старший преподаватель Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
Россия / Russia
achaban@list.ru

Дарья Алексеевна Стрижкова, стажер-исследователь
Школы филологических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
стипендиатка Фонда наследия русского зарубежья
Россия / Russia
strizhkova.2003@mail.ru

Received December 16, 2023